
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

А. Д. СУХОВ

ОТКРЫТОСТЬ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

В числе характерных признаков русской философии – ее открытость, контакты с другими сферами сознания – литературой, искусством, наукой и пр. Единение тех или иных ее проявлений с различными видами творчества и сегодня не утрачивает ценности и привлекательности.

Ключевые слова: русская философия, открытость русской философии, теология, литература, наука, искусство.

The paper reveals the characteristic features of the Russian philosophy, namely, its openness and contact with other realms of consciousness (literature, art, science and others). And today the unity of its certain manifestations with different types of creativity remains valuable and attractive.

Keywords: Russian philosophy, openness, theology, literature, science, art.

Одна из особенностей русской философии – ее открытость, соприкосновение с целым рядом других сфер сознания, так что если изъять то, что разделяется ею с другими, нефилософскими, дисциплинами, то из ее истории выпадет многое, и в некоторые периоды русской философии, если искать ее в чистом виде, от нее почти ничего не останется.

Какие же контакты русской философии с другими духовными компонентами особенно существенны в ее истории?

Специфические признаки русской философии, ее отличие от других европейских философий, которые принято считать образцами, эталонами, стали обнаруживаться изначально (о них пойдет речь чуть позже). Но было у нее с ними и кое-что общее. Складывалась она в пределах той же религиозной общности, а эта последняя представляла собой в эпоху Средневековья, когда это происходило, весьма значимый фактор, организующий и объединяющий

людей по их вероисповедной принадлежности. Принятие христианства в конце X в. – сначала верхушкой общества, а затем и остальной его частью – означало подключение Руси к вполне определенному социальному пространству с той культурой и философией, которыми оно к тому времени располагало. Русская философия, что совершенно естественно, не могла бы стать здесь никакой иной, кроме как христианской.

Христианская философия, где бы она себя ни проявила, уже самим своим наименованием свидетельствует о принадлежности к религии, тесной связи с ней, зависимости от нее. Служанка теологии – вот ее социальный статус. Так она воспринималась современниками, и такой виделась она себе самой. Все же нет оснований отрицать ее и даже сомневаться в ней как особом идейном образовании. Феномен христианской философии общепризнан.

Вступив на путь христианизации, Русь застала христианский мир обособлявшимся на две части, одна из которых тяготела к Риму, другая – к Константинополю. В середине XI в., спустя всего несколько десятилетий после Крещения Руси, католицизм и православие стали реалиями религиозной жизни. Средневековая Русь оказалась в общности православной – вместе с лидировавшей в ней Византией, откуда были почерпнуты новые религиозные воззрения и которая надолго осталась для русского общественного сознания идейным авторитетом.

В Византии, как и на Западе, философия была очерчена достаточно четко. Восточная патристика – разновидность христианской философии на византийской почве – значительный идейный комплекс. Влиятельным философским течением являлся здесь и неоплатонизм, враждовавший с восточной патристикой, но также и обогащавший ее своими идеями, подавленный ею в VI в. и вновь возродившийся на последней стадии византийской истории.

И в Западной Европе, и в Византии философия в ее античных вариантах существовала еще до появления и распространения здесь христианства. Начисто искоренить ее, если такое намерение у кого-то из деятелей церкви и было, явилось бы делом трудным, а то и безнадежным; представлялось, что целесообразнее ее видоизменить. Другое дело – становление философии там, где философская традиция вообще отсутствовала, как это было на Руси. По логике

церкви, зачем философия, когда можно без нее обойтись? Ведь имеется нечто высшее по сравнению с ней, ее превосходящее, выражающее целостный взгляд на мир лучше, чем философия, – религия. Функции, исполняемые философией, и попыталась взять на себя русская ветвь христианства, точнее, ее теоретическая часть – теология. Философия оказалась не просто под эгидой религии, но в ее недрах.

Однако поглотить полностью одну форму общественного сознания другой никогда не удастся. Так произошло и в данном случае. Философия находилась с теологией в комплексе, но не подменялась ею. В тексте, нефилософском по своему основному содержанию, обнаруживается философская концепция, рассуждение, символ. Философия уже в своих первоначалах пытается отъединиться от теологии, находя себе место в летописи или произведении средневекового книжника.

К настоящему времени проанализировано большое число литературных памятников русского Средневековья, богословских и светских, – трактатов и сборников, поучений и слов, повестей и житий, летописей и хроник, в работе над которыми наряду с философами приняли участие литературоведы и историки. В итоге была раскрыта активная философская жизнь, проявлявшая себя под нефилософскими покровами. К некоторым проблемам, поставленным тогда, не утрачен интерес и в наши дни; к ним обращается не только специалист, историк философии, но и читатель, желающий воспользоваться житейской мудростью прошлого: трактовками надежды, веры, милосердия, любви, представлениями об обязанностях власти, ее ответственности, размышлениями о нестяжательности, противостоящей стяжанию, и о многом другом...

К философии причастны наследница русской книжности – позднейшая литература, а также литературная критика, не только разъяснявшая и комментировавшая художественные произведения, но и высказывавшая собственные суждения по поводу тех реальных проблем, которые в них были обозначены.

Взаимосвязи литературы с философией имеют несколько аспектов.

Литература способна выполнять подсобную, прикладную функцию, распространяя философские представления в образном виде,

прежде всего в стихах, что существенно увеличивает меру философского воздействия.

Пропагандируя научное мировоззрение, стихотворной формой пользовался М. В. Ломоносов. В его «размышлениях», «утреннем» и «вечернем», изложены философские представления о Вселенной. В стихотворении «Случились вместе два Астронома в пиру...» коперниканская гелиоцентрическая система мира противопоставлена не адекватной действительности геоцентрической.

Стихотворную форму использовали декабристы. О том, насколько она была действенна, свидетельствует хотя бы тот факт, что Николай I приказал стихотворения, написанные осужденными, изъять из их следственных дел и уничтожить. Гражданскую лирику декабристов органически дополняли произведения, ставившие мировоззренческие вопросы. Сохранилось философское стихотворение А. П. Барятинского «О боге». В нем автор вступил в литературную полемику с Вольтером, который придерживался того мнения, что если бога и нет, то его как сдерживающее для народа начало следовало бы все же выдумать. Иначе решает этот кардинальный для философии вопрос декабрист: при виде зла, царящего в мире, бытие существа, благого и всемогущего, терпящего это, должно быть отвергнуто.

В противоборстве с западничеством славянофильство стремилось использовать то свое преимущество, что в составе его были известные поэты, дававшие его идеям стихотворный облик: А. С. Хомяков, Н. М. Языков.

Поэтический ресурс использовали и другие мыслители-философы: Д. В. Веневитинов, Н. П. Огарев, Н. А. Добролюбов, В. С. Соловьев – для того, чтобы сделать наглядным свое видение мира, обезоружить идейных противников.

В философской лирике проявляли себя и такие поэты, восприятию мира которых был органически присущ философский характер, чье поэтическое творчество не обошлось без оригинального философского поиска. Среди них – А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, А. А. Блок.

Впрочем, отделение «прикладной» лирики от прочей весьма и весьма условно. Ведь и она включает в себя истинных творцов,

произведения которых отличают талант и художественная ценность.

Были и такие писатели, творчество которых выходит за пределы литературы, превращает их в философов по профессии. Они или активно поддерживают имеющиеся уже концепции, внося свои усилия в их обоснование, или же формулируют новые установки, являясь их основателями. В числе писателей, принадлежащих и к философии, есть такие, которые, бесспорно, являются великими. Это Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой. То, что внесено каждым из них в философию, отлично и по своим размерам, и по своей направленности.

В 1847 г. опубликовал свою книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголь. Он заявил в ней о своей приверженности к теории официальной народности, выдвинутой С. С. Уваровым, одобренной и поддержанной Николаем I. В этой теории были определены основные элементы русской социальной жизни, на которые правительство опиралось и которым намеревалось сохранять приверженность в дальнейшем: самодержавие (в его николаевском варианте), православие, поддерживающее его, народность, сопровождаемая крепостничеством. Сторонниками данной теории являлись не только беспринципные апологеты, такие как Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч, но и видные деятели культуры – литераторы, историки – М. П. Погодин, С. П. Шевырев, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский. Теория нуждалась и в философской поддержке. Философом официальной народности стал Гоголь.

В философии истории, представленной читателю в этой книге, Гоголь – сторонник и защитник монархии (имеется в виду прежде всего самодержавная); он возвеличивает ее. Для него монарх – «божий помазанник»; «клик божий» неумолкаемо раздается в его ушах. Ведя народ, вверенный ему богом, он несет ответственность непосредственно перед ним, и только перед ним. Что же касается людей, то монарх совершенно от нее свободен.

Но и при таком изображении русского монарха Н. В. Гоголь считает, что предел его совершенства еще не достигнут: у него есть возможность уподобиться тому, кто по природе своей сам «есть любовь», то есть стать еще одной ипостасью высшего существа.

Невысокому мнению о Русской церкви в обществе и народе Гоголь противопоставляет свое видение ее. Он сравнивает ее с целомудренной девой. Ему кажется даже, что эта церковь со всеми своими догматами и обрядами снесена «прямо с Неба». В том, что россиянин – плохой православный христианин, виновата не церковь, а он сам. Ведь он уступает даже древнему язычнику: ленивее молится, хуже исполняет свой долг.

Во времена Гоголя крепостничество, изжитое уже в большинстве стран Европейского континента, в России испытывало кризис. Даже в верхах появляются сомнения о его дальнейших возможностях. Классик же, в соответствии с официальной доктриной, считает его незыблемым. Он напоминает новозаветные заповеди о покорности властям, о том, что нет власти не от бога, утверждает, что крепостное состояние соотносится с этими заповедями. Гоголь советует помещику почаще говорить об этом крестьянам. В этом должен убеждать их и деревенский священник. А с содержанием каких-либо других книг, кроме библейских, неграмотных крестьян не следует и знакомить.

Обращаясь к философии, разрабатывая ее, Ф. М. Достоевский представил свои соображения, свойственные и его романам, в цикле публицистических статей. Он был одним из основоположников особой философской школы – почвенничества. Достоевский был уверен в том, что «социальная правда» принадлежит народу и, только обращаясь к нему, можно узнать ее. Он считал, что эта правда, выявленная им, состоит в том, чтобы сообщество людей явило собой общую гармонию, где каждому человеку принадлежало бы достойное место.

Л. Н. Толстого философия интересовала с юных лет. Профессионально он обратился к ней, учась в Казанском университете. Он подготовил целый ряд философских монографий, десятки статей, несколько антологий, собрав в них высказывания различных мыслителей по конкретным мировоззренческим вопросам. Толстой был лично знаком почти со всеми тогдашними русскими философами.

Большую известность имеет изложенная в его сочинениях концепция ненасилия, не сразу и не всеми, правда, понятая и оцененная. Толстой вовсе не призывал отказываться от противления социальному злу; он полагал лишь, что противодействовать ему,

и весьма эффективно, можно и ненасильственными методами. Им была предложена система мер, способных парализовать существующее насилие и взять над ним верх: неучастие в имеющихся ныне социальных порядках, в том, что их поддерживает – в армии, судах, податях, «ложном учении» и т. п. Императорское правительство, в отличие от некоторых идейных оппонентов Толстого, усмотревших в его «непротивлении» лишь благодушную утопию, сразу распознало ее опасность. За распространение этих его взглядов легко было поплатиться ссылкой, тюрьмой, каторгой. Концепция ненасилия, разработанная Толстым и конкретизированная М. К. Ганди и М. Л. Кингом, давала результаты, в частности, при освобождении Индии от колониальной зависимости, в борьбе против американского расизма. Было доказано на деле, что выдвинутая русским классиком концепция имеет характер объективной истины, хотя это не единственное средство социальной борьбы, как казалось ее автору, а всего лишь одно в числе прочих.

Не утрачивают интереса философские экскурсы Л. Н. Толстого в науковедение и искусствознание.

Взгляды Толстого-науковеда вызвали неприятие и вражду той сферы общества, которая была ими задета. То, что было высказано Толстым, искажалось; его обвиняли в том, что он отрицает науку. Но это было не так. Он утверждал, что наука так же необходима людям, как пища, питье, одежда, «даже необходимее». Писатель, тем не менее, от «истинной науки» отделял образование, имитирующее ее, на нее внешне похожее, однако не только не имеющее родства с ней, но представляющее собой полную ее противоположность. Характеризуя это явление, он обозначал его разными терминами, но суть их всех одна: так называемая наука, ложная, мнимая наука, квазинаука. Хотя те, кто занимается такой «наукой» и причисляет себя к ученым, не являются таковыми.

Представители ложной науки используют «научный жаргон» – темный, сложный, вычурный язык, не всегда понятный не только окружающим, но и им самим. В ее пределах ведутся бесконечные споры, имеют место разногласия. Но при этом есть ясность и единство в главном: данный строй жизни вечен, попытки изменить его бесполезны и бессмысленны. Имеющие власть внимательно следят за тем, что происходит в науке, всячески поддерживают явление,

о котором идет речь, и противодействуют той истинной науке, которая способна обличить существующие порядки.

В своем неприятии псевдонауки Л. Н. Толстой временами заходил слишком далеко, причисляя к ней отдельные проявления фундаментальной науки, относимые им к праздному и ненужному любопытству, связанные с практическими запросами через посредующие и промежуточные звенья. Но дифференцированное отношение к происходящему в науке и около нее, отмежевание от нее подделки сохраняют свою ценность и актуальность.

Не одномерно, как это наглядно показано в работах классика, и искусство. Подлинное искусство, идейно содержательное, нравственное, соответствует мировосприятию, выработанному историей, высшему в данное время. Оно преобразует эмоциональное восприятие действительности, вытесняя чувства низкие, недобрые и заменяя их иными, лучшими, способствующими благу людей.

Аналог квазинауки и близкое ей по духу явление, такая же деформация и абберрация, – «извращенное», «поддельное» искусство, которое Толстой противопоставляет настоящему. Это фальшивое явление отчуждено от людей труда, их интересов. Вдохновляющих стимулов оно лишено. Оно создает «фабричные произведения», не имеющие художественной привлекательности. Толстой сравнивал тех, кто причастен к таким поделкам, с евангельскими торговцами в храме. Он считал, что храм искусства – не храм, пока эти торгаши не изгнаны из него.

В 1834 г. в десяти номерах еженедельной московской газеты «Молва» было опубликовано произведение В. Г. Белинского «Литературные мечтания», сразу сделавшее его ведущим литературным критиком. Но содержало оно не только суждения о писателях и их творчестве. В «Литературных мечтаниях» были изложены и философские взгляды Белинского. И в дальнейших своих работах он дополнял и сопровождал литературоведческий анализ философским. У Белинского нет сочинений, целиком и полностью посвященных философской проблематике, но имя его в русской философии – в числе общепризнанных. Г. В. Плеханов считал его самой замечательной «философской организацией», когда-либо выступавшей в русской литературе.

Единение русской литературной критики с философией после Белинского стало традиционным.

Вследствие открытости русской философии в ней сложилось и такое идейное образование, которое граничило с естествознанием. Будучи философским по принадлежности, оно имело с естествознанием прочные и устойчивые связи. Обращение ученых-естественников к философии, стремление соединить с ней собственную профессию вполне объяснимо: постановка теоретических проблем пробуждает интерес к философии, ориентирует на нее.

Из представителей этой группы первым должен быть назван М. В. Ломоносов – основоположник русского естествознания. Он положил начало единению его с философией. Вечность мира, несотворимость вещества, из которого он состоит, изначальность движения, множество населенных миров – такова идейная платформа Ломоносова. Он – первый представитель русского философского материализма. Появление материализма как особого направления в философии связано с именами: в Англии – Ф. Бэкона, в Германии – Л. Фейербаха. Философия – главный вид их научной деятельности. В русской философии это направление имело своим родоначальником Ломоносова, хотя и универсала, но все же по преимуществу естествоиспытателя.

В группе философов-естественников – И. М. Сеченов. Труд, прославивший его, – «Рефлексы головного мозга» – достояние и естествознания, и философии. Философские разработки, начатые Сеченовым здесь, и в дальнейшем сопровождали его естественнонаучные исследования. Рефлексы в буквальном переводе с латыни – «отражения». Именно так и трактуются ученым продукты сознания в их отношениях к внешнему миру. Предметный мир существует раньше мысли о нем и является первичным фактором по отношению к ней. Но все же высшая нервная деятельность – не аналог зеркала. Сеченовым было выяснено и показано, что между чувственным восприятием действительности и мышлением, оперирующим абстракциями, – цепь переходов и превращений. Вывод может далеко отстоять от посылок, но все же в нем содержатся элементы прежнего опыта. Путем логических построений можно додуматься до новых истин, но только в том случае, если умозаключениям предпосланы факты.

Теория познания, имеющая философский характер, была сформулирована И. М. Сеченовым в соответствии с физиологическими данными, в том числе и прежде всего добытыми им самим.

И. И. Мечников – один из наиболее философичных русских естественников. Он автор книг «Этюды о природе человека. Опыт оптимистической философии», «Этюды оптимизма», «Сорок лет искания рационального мировоззрения». В рамках философской антропологии Мечниковым были проанализированы две взаимосвязанные темы: о дисгармониях человеческой природы и об ортобиозе – полноценном жизненном цикле.

И. И. Мечников рассматривал наряду с гармоническими явлениями, существующими в живой природе, также дисгармонические, когда утратившие значение структуры и функции организма не успевают вовремя и бесповоротно сойти со сцены жизни. Он противопоставляет формуле Ж.-Ж. Руссо – как хорошо все, выйдя из рук творца, и как испорчено все руками человека – свое понимание проблемы. Мечников считает, что природа создала человека «дурно» (из-за быстроты выхода его из животного состояния), и его задача – в соответствии с объективно складывающимися возможностями совершенствовать собственную природу. Природа эта, слагаемые которой весьма разнообразны, содержит такие элементы, которыми стоит воспользоваться, чтобы сделать ее гармоничнее, а жизненный цикл – полноценным.

Мечников высказывал предложения, как гармонизировать отношения человека с обществом. Из-за своего крайнего несовершенства они подлежат переделке, причем «самой капитальной», что в конечном счете должно отразиться и на самой природе человека. Индивидуализму и эгоизму, царящим в обществе, крайностям богатства и бедности, которые его отличают, должны прийти на смену иные начала, соответствующие новому социуму. Это взаимопомощь и солидарность в отношениях между людьми, отказ от роскоши и излишеств, трудовой, умеренный образ жизни.

Одна из тем, поднятых К. А. Тимирязевым, – наука и демократия. Такое название носит и его труд, заверченный и изданный перед самой его кончиной, в 1920 г., можно сказать, его идейное завещание. Наука призвана помогать представителям труда. Демократии не устоять без науки – отрешенная от нее, она не может

быть сильной. Науку и демократию Тимирязев рассматривал как самые существенные элементы современной жизни.

Он говорил о тех трудностях, с которыми сталкивается наука в поисках социальной правды. В обществе есть силы, которым истина не нужна и которые создают для нее препятствия. Он видел и глубинную причину этого. Современная буржуазия – буржуазия вырождающаяся. Она вносит в современный мир клерикальный и капиталистический яд.

Объект критики Тимирязева – так называемая интеллигенция, слой людей, причастных к буржуазному миру, пользующихся его «меценатством», живущих в атмосфере «лакейства и прислужничанья». Частный вид такого рода интеллигенции – нынешний верующий ученый, пытающийся единить науку и религию, делающий последней уступки за счет первой, ограничивающий разум и знание.

Тимирязев уверен: «неразумная воля» способна задержать, затормозить социальный прогресс, негативно отразиться на исторических судьбах мысли, но она не в силах остановить движение вперед, преодолевающее в конце концов оказываемое ему сопротивление. Начинается «генеральный бой» капиталистического строя с социализмом, который идет ему на смену. На место обреченной на смерть буржуазной культуры призвана новая, современная, отражающая стремление к истине и социалистической правде.

После И. П. Павлова не осталось работ, которые специально были бы посвящены философии. Однако в его произведениях, теоретичных по природе, содержится немало философов, философских раздумий. Привлекал он философию и во время встреч с учениками и сотрудниками – на своих «средах», организуемых в научных подразделениях, которыми руководил.

Павлов неоднократно обращался к категории «действительность». Действительность, в его интерпретации, – начальный пункт познания. От нее исходят впечатления о ней. Хаотичные и разрозненные на первых порах, напоминающие калейдоскоп, в итоге они призваны дать такой «образ» действительности, который является верным ее «отпечатком». Но на путях познания – трудности и препятствия. Возможны ошибки, искажения, фальсификации. Проверки, которым должны быть подвергнуты не только сведения сомни-

тельные, но и такие, которые считаются «признанными», опять-таки не минуют действительность. Эту норму Павлов относил и к себе, к себе даже в первую очередь. И следовал он ей не только в науке, но и в повседневной жизни. Какое-то время он относил себя к либералам. Его не устраивал самодержавный режим, но и Октябрьскую революцию он встретил неприязненно. Между 1917 и 1936 г., когда он скончался, многое в стране поменялось. Не остались неизменными и взгляды Павлова. Он приветствует совершающиеся в стране перемены, мечтает увидеть «полное завершение» предпринятого страной «социального эксперимента», выступает со своими новыми оценками происходящего на страницах советской печати.

Среди различных работ К. Э. Циолковского, в которых решаются философские проблемы, можно выделить одну – «Монизм вселенной», не умаляя, разумеется, значимости остальных. Опубликована она была в 1925 г., переиздана в 1931-м.

В ней и в других своих трудах Циолковский, воссоздавая картину космоса, говорил и о путях, методах его исследования. Здесь, как и всюду, без наблюдения и опыта нет познания. Нет отражения без отражаемого. Но непосредственно космос все же до конца непостижим: лишь небольшая часть его доступна нашим органам чувств. Знания могут быть и «умозрительного характера». Вступала в свои права философия естествознания. Философский характер имеют представления, развитые Циолковским, о беспредельности космоса во времени и пространстве, о его кипучей, не имеющей остановок деятельности. Не может быть сомнений в том, считает ученый, что в бесчисленном ряду планет есть и такие, где имеется жизнь. Было бы чудом, если бы пригодной для жизни была всего лишь одна, даже не чудом, а «чудищем». Жизнь в космосе вечна, как и он сам. Самозарождение жизни на Земле можно отнести к разряду исключений. Правилom же является распространение жизни, завоевание ею космических просторов. Есть все основания предполагать, что космос обладает формами жизни, намного превосходящими земную, образовавшуюся сравнительно недавно.

До Октября Циолковский невысоко оценивал земную форму жизни, сомневался в ее возможностях. Под влиянием советской действительности взгляды его на этот счет менялись. 4 ноября

1932 г., выступая в Калуге в доме Красной Армии с докладом по поводу 15-й годовщины социалистической революции, он говорил о том, что переживаемое время с его трудами, лишениями, жертвами предвещает прекрасное будущее.

Причастны к русской философии и некоторые другие ученые-естествоиспытатели – Д. И. Менделеев, Н. А. Морозов, В. И. Вернадский, И. В. Мичурин...

Труды, созданные на грани двух этих областей знания, выдвинутые при этом концепции и соображения расширяли сферу философии, давали приращение философского знания.

Не менее значимо для русской философии соприкосновение ее с исторической наукой. Так же, как это было в естествознании, постановка теоретических вопросов направляла историков к науке, наиболее теоретичной по самой своей природе. Философские представления и категории привлекаются к изучению исторических событий и процессов. Те историки, которые причастны к идейным построениям общего порядка, изучают философию, испытывают ее воздействие, используют ее в своих исследованиях; историческая наука дополняется и ориентируется философией. Обогащенная философией, она, в свою очередь, не остается посторонней для нее. В ходе исторических исследований привлеченные философские начала уточняются, конкретизируются, отрабатываются. Философствующие историки оказывают воздействие на те разделы философии, которые им как исследователям близки, – философия истории, философия социальная и политическая, философия религии, философская антропология...

В. Н. Татищев, автор «Истории Российской» в 7 томах, первой в русской науке, не только историк. Философия – один из аспектов его специализации. Именно он, философствующий историк, содействовал тому, чтобы русская философская мысль выделилась из того конгломерата с теологией, в котором она долгое время находилась, стала самостоятельной. Отстраненная от богословия, русская философия, помимо суверенности, обретает в его трудах еще и светский характер.

Активно контактировали с философией и некоторые другие русские историки, жившие и творившие позже, – М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, Н. А. Полевой, Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев,

В. О. Ключевский... Сближая историю с философией, они стремились проявить себя в обеих единившихся ими научных дисциплинах: не только в истории, но и в философии.

Некоторые из них приняли участие в литературно-философских кружках. Притеснения философии при Александре I и Николае I как предвестницы и участницы социальных перемен вызвали ответную реакцию: философские занятия из официальных сфер ушли в неофициальные – кружки. Историк имел в них возможность получать интересующую его информацию и самому участвовать в обсуждении философских проблем.

В 1823 г. с только что оформившимся кружком Любомудров сблизился Н. А. Полевой. Само название кружка – свидетельство его определенной принадлежности (любомудрие и философия – термины тогда равнозначные). Именно в кружках, сменявших друг друга, первым из которых и явилось данное общество, совершались в течение четырех десятилетий восхождение, рост русского философского знания. Ксенофонт Алексеевич Полевой, брат Николая Алексеевича, его единомышленник, участник его научной и издательской деятельности, в своих мемуарных «Записках», ему посвященных, характеризует его отношения с Любомудрами как приятельство, дружбу.

Т. Н. Грановский принял участие в двух таких кружках: сначала Станкевича – Белинского, затем западников. В первый из них он вошел в 1836 г., незадолго до этого, в 1835-м, завершив университетское образование. После распада этого кружка Грановский стал в 1840 г. одним из создателей еще одного – западников. После идейного разрыва А. И. Герцена с его либеральной частью и отъезда в 1847 г. за границу лидирующее положение в кружке переходит к Грановскому и сохраняется за ним до его кончины в 1855 г.

С 1845 г. в этом кружке – С. М. Соловьев, начавший преподавание в Московском университете. А в 1846 г. он, не порывая и не ослабляя связей с западниками, сближается с их идейными оппонентами – славянофилами. Общение его со славянофилами хотя и не обрело устойчивости, постоянства и в конце концов прекратилось, не осталось, однако, без последствий. Участвуя в двух противоборствующих организациях, он настолько проникся свойственным им философским сознанием, что совершил то, чего не сумели

сделать антагонисты: понятия общего и особенного, рассматривавшиеся врозь и противопоставлявшиеся одно другому, были сопоставлены, приведены в единство, дополнены друг другом. Став совокупными, они были проработаны в его исторических трудах, выявили свое воплощение в событиях истории, ее ходе.

На разных этапах социального развития вниманием философов-историков пользовались различные философские фигуры. Н. М. Карамзин, например, явное предпочтение отдавал Ж.-Ж. Руссо, который, как заявлял он в «Письмах русского путешественника», сильно на него действовал; ему он обязан был многими «из любезнейших» идей своих; душа Руссо отчасти «перелилась» в его собственную. Н. А. Полевой предпочитал Ф. В. Й. Шеллинга, его систему, – вместе с кружком Любомудров, к которому был близок.

Большим философским авторитетом стал в XIX столетии Г. В. Ф. Гегель, преемник Шеллинга, еще один представитель классической немецкой философии. Для философского сообщества были привлекательны его диалектический метод, разработки о неслучайном характере перемен, переживаемых обществом, о том, что история не является следствием чьего бы то ни было немотивированного произвола. На первых порах в кругу приверженцев Гегеля сложился даже своего рода его культ; все сказанное им принималось на веру, допускались лишь обоснование, пояснение.

Находя, что об истории Гегелем были высказаны мысли самые меткие и глубокие, Т. Н. Грановский одним из первых обратил внимание также на недоработки, слабые стороны гегелизма, стал воспринимать его критически. Он отказывался признавать за истину выведенное априорно, без учета исторического опыта. Неприемлемо для него было низведение исторического процесса до степени абсолютной неизбежности, полной предопределенности. Грановский считал, что направленность исторического процесса сочетается с деятельностью людей, не могущих менять его по своей прихоти, но и не являющихся существами пассивными.

Содержательную критику Гегеля как объективного идеалиста дал В. О. Ключевский. По его мнению, в этой версии идеализма предметный мир хоть и признается независимым от сознания, в отличие от идеализма субъективного, но независимость эта фор-

мальна: действительность является «только формой» для творящих через нее духовных сущностей. Инициативы при такой трактовке лишается не только реальность, но и сам дух: после того как «машина истории» заведена, и он вынужден следовать заранее предначертанному плану.

Не разделяя объективно-идеалистических установок Гегеля, В. О. Ключевский, однако, проявлял интерес к различным его произведениям, их проблематике. Диалектичность, усвоенную через Гегеля, он дополнял материализмом, почерпнутым у Л. Фейербаха, как это делали Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, сочинения которых были ему известны. Видимо, не случайно совпадение некоторых высказанных им соображений с тем, что писали по этим же вопросам К. Маркс и Ф. Энгельс, создатели материалистической диалектики: о роли в истории экономического фактора, о необходимости становления в ходе социальной истории государства и о нравственных потерях, понесенных обществом при этом, о философии, лишь пассивно понимающей мир вместо того, чтобы быть в нем деятельной силой...

Русская философия проникала и в другие сферы – музыку, живопись, где она была представлена А. Н. Скрябиным, Н. К. Рерихом. Скрябин – не только композитор, но и философ. Согласно его философской системе, музыка аккумулирует в себе не только настроения, чувства, но и мировосприятие; музыка способна воздействовать на существующий мир, преобразовывать его. Рерих – автор книг о «Живой Этике», где речь идет о нравственном совершенствовании человека (в их подготовке участвовала Е. И. Рерих). Философские взгляды Скрябина и Рериха не были ограничены рамками их сочинений. Художественная интуиция воплощала их в творения искусства, темы и образы которого, музыкальные или живописные, имеют исключительную силу воздействия.

Благодаря своим связям с другими областями интеллекта русская философия обретала не только особенности, но и преимущества, становившиеся ее неотъемлемым достоянием. Плодотворны были ее взаимодействия с социальной жизнью, литературой и искусством, наукой. Единение тех или иных ее проявлений с реальной действительностью и различными видами творчества и сегодня не утрачивает привлекательности.

Использованная литература

Гусейнов А. А. Императив ненасилия // Этика / под ред. А. А. Гусейнова, Е. В. Дубко. М., 1999. С. 475–486.

Гобозов И. А. Избранное. М., 2016.

Русская философия. Энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. М., 2014.

Сухов А. Д. Русская философия: характерные признаки и представители, особенности развития. М., 2012.

Тажурзина З. А. Из истории свободомыслия. М., 2017.